

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.49.13.004

Влияние прогибиционизма на политическую систему государств в историческом и современном контексте

Смирнов Станислав Сергеевич

Аспирант,

Академия труда и социальных отношений,

119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;

e-mail: smirnov.stanislaaff@gmail.com

Аннотация

В данной работе автор рассматривает проблему прогибиционизма (англ. prohibitionism – система запретительных мер, существующих в экономике, законодательстве, религии или общественной морали) на историческом и современном этапах развития общества. Исследует зависимость роста уровня новых специфических преступлений в теневых секторах экономики от введения неадекватных запретительных мер на примере так называемых «ковидных» ограничений. Делает вывод об опасности ненаучного подхода к «запретительству» в контексте политической безопасности государств. Автор анализирует проблемы, связанные с запретительными мерами (на примере Сухого закона в США), и их негативного влияния на экономическую и социальную обстановку в стране в историческом контексте; проводит параллели с современностью, в плане использования различными государствами, в том числе Российской Федерацией, ограничительных мер для борьбы с Covid-19; изучает рынки нелегальных услуг и проблему распространения «фейков» в СМИ; делает вывод о нарушении норм действующего законодательства различных стран неадекватными запретительными мерами, и призывает к их скорейшей отмене.

Для цитирования в научных исследованиях

Смирнов С.С. Влияние прогибиционизма на политическую систему государств в историческом и современном контексте // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 1А. С. 29-35. DOI: 10.34670/AR.2022.49.13.004

Ключевые слова

Прогибиционизм, Covid-19, вакцина, QR- код, «антиваксер».

Введение

Большинство стран мира придерживаются модели рыночной экономики. Однако, это не означает, что предприниматели, как субъекты экономической деятельности, могут беспрепятственно продавать любые товары и услуги, наоборот, часто государство по своему усмотрению законодательно устанавливает определенные правила функционирования рынка с целью наложения запрета на производство отдельных видов продукции, которые деструктивно влияют на развитие общества. В данном случае речь идет о концептуальном запрете, который не связан с качественными характеристиками продуктов или услуг [Латов, 2010], при этом уровень запрета зачастую соотносится с особенностями системы ценностей и социальных норм в обществе, которые везде различны. В науке выделяют две группы запретов [Латов, 2009]:

- на общемировом уровне,
- на уровне отдельных стран.

К общемировым можно отнести, например, запрет на тяжелые наркотические средства, запрет на торговлю донорскими органами. В XXI веке, под воздействием либерализации и гуманизации, многие виды деятельности, которые были запрещены в XX веке, в некоторых странах проходят стадию легализации – в частности, эвтаназия.

На уровне отдельных государств, в той или иной мере, запрещены: алкоголь (в настоящее время в некоторых странах ислама, а ранее в США, в СССР, в Канаде, в Индии и в Финляндии), азартные игры, оружие и др.

Возвращаясь к феномену «запрета», необходимо отметить, что в юридическом смысле – его предназначение заключается в обеспечении охраны прав и интересов граждан и поддержанию общественных отношений на устойчивом уровне, путем создания барьеров социально опасному и вредоносному поведению. В юридической науке тема правового «запрета» хорошо исследована в работах Алексеева С.С., Белкина А.Г., Кудрявцева В.Н., Малько А.В., Султыгова М.М. [Султыгов, 1996] и многих других.

Основная часть

Аспекты «запрета», как научного феномена, достаточным образом проработаны в философии (Аристотель, Гоббс Т., Локк Дж. и др.), психологии (Басден. Д., Гершкович В.А., Фрейд З. и др.), социологии (Поппер К., Смирнов М.А., Яковлева Л.В и др.) и экономике (Гишинский Я., Латов Ю.В., Фридмен М.И. и др.)

В политологии, однако, проблематика «запрета» и его влияние на политическую безопасность государств изучена недостаточно, что и обуславливает актуальность данной работы.

Практика показывает, что при наличии спроса, запретить какой-либо рынок полностью невозможно, поэтому противодействием разнообразным запретам установленным, как на мировом, так и на государственном уровнях, является возникновение нелегальных рынков и видов деятельности, которые составляют структуру теневой экономики. При отсутствии законного рынка, участники экономической деятельности для удовлетворения своих потребностей обязательно будут взаимодействовать, в альтернативном экономическом пространстве, с представителями криминальных структур.

Самым ярким примером в новейшей истории, который, вследствие неудачной реформы, привел к разгулу оргпреступности, проникновению последней в органы государственной

власти, тотальной коррупции, разросшейся до масштабов, угрожающих национальной безопасности, стал Сухой закон на территории США, вступивший в силу 17 января 1920 года.

Следует отметить, что, алкогольный прогибиционизм в США развивался постепенно. Впервые закон о запрете производства и продажи спиртного был принят в 1851 году в штате Мэн. Этот закон просуществовал пять лет и перед самой отменой был распространен на территории тринадцати штатов Америки. Потребовалось около 70-ти лет, чтобы ввести тотальный запрет на производство и потребление спиртного на всей территории США, который, однако, не одобрялся большинством американцев. Итогом стало появление подпольного рынка спиртных напитков, активно освоенного так называемыми бутлегерами, в том числе и знаменитым гангстером Аль-Капоне [Bair, 2016].

Для понимания проблематики влияния различных бутлегерских преступных сообществ на политическую безопасность системы, достаточно посмотреть [Allsop, 1961] на муниципальные выборы в Сисеро (Иллинойс, США) в 1924, которые были отмечены небывалым насилием со стороны мафии. Сотрудников избирательных участков похищали и избивали – так был избит представитель избирательной комиссии Джозеф Прайс; на улицах шла стрельба, несколько избирателей были убиты на самих избирательных участках, так как они отдали голоса за альтернативного кандидата; практиковались массовые вбросы бюллетеней [Глаголева, 2010]. Примечателен тот факт, что истинные заказчики насилия так и не были осуждены за эти преступления, потому что федеральные власти боялись связываться с представителями мафии, а зачастую были ими же коррумпированы.

Сухой закон был отменен в 1933 году и, по самым скромным подсчетам исследователей, нанес ущерб не только экономической, но и политической безопасности США. Экономические потери оценивались в сумму не менее одного миллиарда долларов недополученных налоговых отчислений. От употребления некачественного алкоголя умерли тысячи людей, в том числе и по причине намеренного отравления спиртного по указанию властей, с целью так называемой «профилактики» [Behr, 2011]. Сухой закон в США привел к существенному развитию и укреплению различных преступных группировок, и вызвал тотальное недоверие граждан к государственным институтам и правоохранительным органам.

В настоящее время перед мировым сообществом стоит проблема, связанная с введением запретов и ограничений в результате распространения новой коронавирусной инфекции – Covid-19.

Почти во всех странах мира (за исключением большинства африканских стран, Японии, Республики Беларусь) власти избрали тактику тотальной вакцинации населения, в том числе с ограничением прав на передвижение и на труд для непривитых граждан. В итоге, тема вакцинации и ревакцинации жителей от новой коронавирусной инфекции превратилась в самую серьезную социально-политическую и юридическую проблему XXI века, как в мире, так и в России. Подтверждением этого служат многократные многочисленные акции протеста во многих странах Европы, а также широко распространенные акты увольнения или отстранения граждан от работы в социально значимых отраслях и иных областях производственной деятельности, что крайне негативно сказывается на экономической безопасности государства – снижаются темпы производства, нарушаются логистические цепочки и пр.

Это, в конечном итоге, отражается на стоимости продуктов, приводит к увеличению инфляции, и, как следствие, деструктивно влияет на политическую жизнь общества в целом. В социуме, в частности, в России, начинают преобладать антипрогибиционистические настроения. Итогом становится саботаж ограничительных мер, как со стороны граждан, так и

бизнеса. Политолог Глеб Кузнецов тонко подмечает: «Как известно, разница между вакциной от кори и вакциной от ковида в том, что первой прививаются, чтобы не заболеть корью, а второй – чтобы сходить в ресторан.»

Для нормального и естественного функционирования в социальном обществе без ограничения своих прав на конец 2021 года, индивидууму необходимо было иметь QR-код, или сертификат, который выдавался после вакцинации, или, хотя бы справку о наличии отрицательного ПЦР-теста. Однако, невакцинированные граждане тоже хотели продолжать жить привычной жизнью – поэтому, под воздействием чрезвычайно высокого спроса, возник глобальный теневой рынок с региональными особенностями, на котором различные преступные элементы предлагали приобрести услуги по лжевакцинации с целью выдачи QR-кода, для обхода вводимых ограничений. Данные незаконные действия преступников и их пособников способны подорвать государственные программы и ставят под сомнение статистические данные относительно эффективности вакцин, а также наносят прямой и косвенный ущерб здоровью граждан, воспользовавшихся нелегальной услугой на теневом рынке.

Между сторонниками и противниками «ковидного» прогибационизма ведется постоянная борьба, сопровождаемая огромным количеством публикаций, как в официальных государственных средствах массовой информации, так и в сети Интернет и популярных сейчас телеграм-каналов. Иногда до потребителя доносится непроверенная, а зачастую просто недостоверная информация. Так называемые «фейки» наполнили информационное пространство, что тоже играет на руку нечистоплотным дельцам и представителям криминала, которые умудряются в условиях всеобщей нервозности населения проворачивать незаконные операции и зарабатывать немалые деньги, окончательно подрывая доверие общества к реальным государственным программам. В качестве примера можно привести историю о том, как греческий телеканал Megatv.com выпустил репортаж, с подзаголовком «афера века». В нем утверждалось, что греческая полиция расследует уголовное дело, по факту дачи взяток медикам от более чем 100 тысяч «антиваксеров» в целях фальшивого вакцинирования последних физраствором для получения сертификатов о прививках. Однако, врачи, якобы опасаясь уголовного преследования, кололи им настоящую вакцину от Covid-19, не забывая при этом брать вознаграждение – 400 Евро за одну псевдопрививку. Фейк вскоре был опровергнут греческой полицией, однако «осадок», наносящий существенный политический и репутационный ущерб государственным структурам, остался.

В России за 4 месяца второй половины 2021 года было возбуждено 503 уголовных дела по фактам распространения поддельных сертификатов о вакцинации. Для сравнения за 1-е полугодие 2021 года в стране было совершено 4775 преступлений, классифицируемых, как вымогательства и 4234 случаев получения взяток. Может показаться, что количество преступлений, связанных с распространением фальшивых сертификатов о вакцинации мало, но это объясняется лишь новизной феномена и недостаточной слаженностью действий правоохранительных органов. В будущем, автор уверен – количество таких преступлений будет только расти, и государственным органам потребуется приложить немалые усилия для борьбы с ними. Такая борьба велась и, естественно, ведется сейчас. По сообщению пресс-службы Роскомнадзора от 08.11.2021: «С марта 2021 года по настоящее время было удалено либо заблокировано 4117 ресурсов с информацией о продаже поддельных сертификатов о вакцинации от коронавируса, а также генерирующих фейковые QR-коды» [Роскомнадзор заблокировал..., www.roskomnadzor.ru].

Необходимо отметить, что у научного сообщества нет единого мнения относительно

ограничительных мер в эпоху Covid-19: по мнению одних – QR-коды и программа вакцинации не оказывает должного положительного эффекта на снижение темпов распространения вируса, а лишь подогревает негативные настроения в обществе. В частности – французский нобелевский лауреат в области медицины и физиологии Люк Монтанье, бывший вице-президент Pfizer Майкл Йидон и изобретатель мРНК-вакцин Роберт Мэлоун – категорически выступают против вакцинации населения. По мнению же других ученых – ограничительные меры эффективны, а вакцинация необходима.

В любом случае, такая конъюнктурная попытка решения проблемы, как введение ограничений, без создания соответствующей законодательной базы, всегда вступает в юридическое противоречие с массой законов, действующих в различных государствах, вплоть до нарушения конституционных норм и основополагающих прав человека, которые, по сути, перестают быть базовыми и фундаментальными. Ученые-юристы в такой ситуации, честно говоря, просто идут на поводу у государственных чиновников и, в лучшем случае, скромно «выражают мнение», а большей частью просто молчат, понимая, что противоречия между законом и сиюминутной конъюнктурой, временно не разрешимы в правовом поле.

Заключение

Автор считает, что оргпреступность, как на общемировом уровне, так и на уровне отдельных стран, не сможет достичь такой же степени опасного влияния на политико-экономические процессы в государствах, как в эпоху Сухого закона в США. Даже с учетом локального увеличения присутствия криминала на новых теневых рынках, возникших в результате вводимых ограничений, эти явления пока несопоставимы. Однако, процесс противостояния сторонников прогибиционизма (сторонников вакцинации) и антипрогибиционизма («антипрививочников») вполне способен нанести существенный вред политической безопасности стран.

Автор полагает, что необходимо скорректировать политику ограничительных мер, в частности, уделять больше внимания проблеме профилактики и проведению эффективной разъяснительной работы с населением; ускорить процессы поиска эффективных лекарственных препаратов и новых, более отработанных, протоколов лечения; признать разнообразные вакцины допустимыми во всех странах мира, исключив политизированность и недобросовестную конкуренцию; более точно оказывать финансово-регуляторную поддержку гражданам и бизнесу, а также отказаться от системы QR-кодов из-за недоказанной эффективности последней и возможностей ее обхода посредством незаконных операций на теневом рынке, борьба с которым, как показывает практика, пока малоэффективна.

Библиография

1. Глаголева Е.В. Аль Капоне: Порядок вне закона. М.: Молодая гвардия, 2020. 383 с.
2. Латов Ю.В. Запретить нельзя разрешить: экономический анализ институтов прогибиционизма и антипрогибиционизма // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2009. № 4. С. 9-31.
3. Латов Ю.В. Институт запрета вредных благ: прогибиционизм vs антипрогибиционизм // Криминологический журнал Байкальского Государственного университета экономики и финансов. 2010. № 2. С. 21-27.
4. Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр»: Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2021 года.
5. Роскомнадзор заблокировал более 4100 ресурсов в фейковыми QR кодами. URL: <https://pravo.ru/news/236421/>
6. Султыгов М.М. Запрет как метод правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. 150 с.

7. Allsop K. *The Bootletters and Their Era*. NY: Doubleday, 1961. 379 p.
8. Bair D. *Al Capone*. New York: Anchor Books, 2016. 416 p.
9. Behr E. *Prohibition: Thirteen Years that Changed America*. Arcade Publishing, 2011. 288 p.
10. Duggan C. *Fascism and the Mafia*. New Haven: Yale University Press, 1989. 322 p.

The influence of prohibitionism on the political system of states in a historical and modern context

Stanislav S. Smirnov

Postgraduate,
Academy of Labor and Social Relations,
119454, 90, Lobachevskogo str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: smirnov.stanislaaff@gmail.com

Abstract

In this paper, the author examines the problem of prohibitionism, which is the system of prohibitive measures that exist in the economy, legislation, religion or public morality) at the historical and modern stages of the development of society. The paper explores the dependence of the growth in the level of new specific crimes in the shadow sectors of the economy on the introduction of inadequate prohibitive measures using the example of the so-called “covid” restrictions. The author draws a conclusion about the danger of an unscientific approach to “prohibition” in the context of the political security of states. The author of the paper analyzes the problems associated with prohibitive measures (on the example of Prohibition in the USA) and their negative impact on the economic and social situation in the country in a historical context; draws parallels with modernity in terms of the use by various states, including the Russian Federation, of restrictive measures to combat Covid-19; studies the markets of illegal services and the problem of the spread of so-called fakes in the media; the researchers concludes that the norms of the current legislation of various countries are violated by inadequate prohibitive measures, and calls for their early abolition.

For citation

Smirnov S.S. (2022) Vliyanie progibitsionizma na politicheskuyu sistemu gosudarstv v istoricheskom i sovremennom kontekste [The influence of prohibitionism on the political system of states in a historical and modern context]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (1A), pp. 29-35. DOI: 10.34670/AR.2022.49.13.004

Keywords

Prohibitionism, Covid-19, vaccine, QR code, antivaxers.

References

1. Allsop K. (1961) *The Bootletters and Their Era*. NY: Doubleday.
2. Bair D. (2016) *Al Capone*. New York: Anchor Books.
3. Behr E. (2011) *Prohibition: Thirteen Years that Changed America*. Arcade Publishing.
4. Duggan C. (1989) *Fascism and the Mafia*. New Haven: Yale University Press.

5. Glagoleva E.V. (2020) *Al' Kapone: Poryadok vne zakona* [Al Capone: Order is illegal]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.
6. Latov Yu.V. (2010) Institut zapreta vrednykh blag: progibitsionizm vs antiprogibitsionizm [Institute of prohibition of harmful goods: prohibitionism vs anti-prohibitionism]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo Gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i finansov* [Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Finance], 2, pp. 21-27.
7. Latov Yu.V. (2009) Zapretit' nel'zya razreshit': ekonomicheskii analiz institutov progibitsionizma i antiprogibitsionizma [Prohibition cannot be allowed: an economic analysis of the institutions of prohibitionism and anti-prohibitionism]. *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Economic Bulletin of the Rostov State University], 4, pp. 9-31.
8. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii FКУ «Glavnyi informatsionno-analiticheskii tsentr»: Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-sentyabr' 2021 goda* [Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Main Information and Analytical Center: The state of crime in Russia in January-September 2021].
9. *Roskomnadzor zablokiroval bolee 4100 resursov v feikovymi QR kodami* [Roskomnadzor has blocked more than 4100 resources with fake QR codes]. Available at: <https://pravo.ru/news/236421/> [Accessed 02/02/2022]
10. Sulygov M.M. (1996) *Zapret kak metod pravovogo regulirovaniya. Doct. Dis.* [Prohibition as a method of legal regulation. Doct. Dis.]. St. Petersburg.